

В ПОИСКАХ ГАРМОНИИ

МОСКОВСКИЕ ГАСТРОЛИ

Это рассказ о битве за человеческую жизнь. И еще о том, ради чего подобная битва ведется, каких усилий, какой воли требует она от врача, науки, общества, государства.

В основу спектакля Ленинградского академического театра драмы им. А. С. Пушкина «Пока бьется сердце» положен киносценарий Д. Хлебвицкого «Повесть о человеческом сердце».

Встречаются двое. Он — талантливый хирург-экспериментатор Сергей Крымов. Она — обаятельная, умная поэтесса Майя Ольхина, обреченная на гибель неизлечимой болезнью сердца. Крымов идет на риск, проводит сложнейшую операцию. Майя спасена.

Но незаурядные люди — врач и его подопечная — потянулись друг к другу. Взаимное чувство крепнет. Майя покидает мужа. Крымов, одержимый своей профессией, отвечает поначалу на любовь Майи как бы по долгу врача. Спасенная хирургом женщина все еще бредет по узкой тропинке между опасностью смерти и возможностью жить. Отвергнуть ее — значит толкнуть в пропасть небытия. Когда же Крымов убеждается, что и он без Майи не может, жизнь преподносит героям спектакля новое испытание...

Сложные узлы и переплетения сюжета зовут зрителей к размышлениям. Жизнь, как бы подаренная заново, должна продолжаться по инерции? Или она может наполниться новым смыслом, новой широтой чувств и мыслей? Прав ли Крымов, считающий, что в своем стремлении спасти Майю он, ответив на ее чувство, переступил долг врача и тем самым ее же погубил? В какой мере возможно счастье одного, когда другой, близкий, оказывается несчастлив?

Пьеса и театр не дают односторонних ответов на подобные вопросы. Гармония жизни и гармоничное становление личности не есть нечто застывшее, неподвижное. Гармония, к которой мы стремимся, не в безмятежности бытия, а в борьбе,

в умении находить равновесие между долгом и чувством, риском и ответственностью, человеком и коллективом. И каждый раз заново. Нарушаясь, подобное равновесие восстанавливается вновь на более высоком уровне социалистического гуманизма. В этом — ценность нашей жизни и ценность каждого ее часа, отвоєванного у смерти. Жизнь — прежде всего движение, развитие.

Таковы выводы, которые напрашиваются после спектакля «Пока бьется сердце». Он как раз и полон движения, динамики, непрерывного изменения сюжетных ситуаций. Кажется, какую впечатляющую образность можно извлечь из больницы обстановки? Белые халаты, белые стены, белые столы и койки. Стерильное однообразие цвета. Не поведет ли оно к повторяющемуся однообразию восприятия?

Постановщик спектакля И. Горбачев (он же исполнитель главной роли) и художник Д. Лидер сумели театральными средствами раскрыть образную необычность обычного. Сцена — своего рода амфитеатром расположенная аудитория. Несколько десятков молодых людей в белых халатах внимательно следят за всем, что делает хирург Крымов. Борьба за жизнь человека — дело общее.

Это первый вывод из главной мизансцены спектакля. Она подвижна, динамична. В драматические моменты сюжета студенты-медики поднимаются и, наклонившись, смотрят вниз, туда, где происходит операция. Напряженность их внимания передается и нам. Затем в руках студентов оказываются красные листья осени. Их, эти листья, озаряют стрелы света, и перед нами как бы вспыхивают маленькие багровые костры чувства, разгорающегося между Майей и Крымовым. Попытки студентов поворачиваются, в глаза нам светят теперь огни прожекторов — и сцена превращается в аэродром.

Подобные сценические трансформации просты и вместе с тем будят воображение, переносят зрительскую аудиторию

из больницы к волнам Крыма, в багряную прелесть осени, в сутолоку аэропорта.

И снова возвращение в клинику, где идет битва за жизнь. Формы этой битвы неповторимы, многообразны. Уникален каждый случай, как уникальна, неповторима, незаменима всякая незаурядная личность.

Такой тезис устами главного героя утверждает актер И. Горбачев. Как режиссер, он иногда этому тезису противоречит. Повторяемый многократно в одних и тех же вариантах момент подготовки хирургов к операции, проход перед каждым эпизодом почтенной по возрасту и комплекции санитарки, неизменное присутствие на сцене студентов-медиков — все говорит об известной монотонности, единообразии жизни клиники.

А как же тогда понимать образ Крымова, вся жизнь которого — творческий поиск, риск, неожиданность? Как оттенять резкие повороты сюжета? Как подчеркнуть прихотливую смену настроений Майи? Мизансценировка должна, видимо, в какой-то мере «аккомпанировать» движению сюжета. Следовательно, стремиться к многообразию, а не к единообразию.

Нам понятно: театр утверждает, что хирурги всегда на посту, в любых ситуациях, при любых неожиданностях. Тут и возникает творчески интересная задача — найти подвижное, изменяемое равновесие между движением и устойчивостью. Искать то самое «чуть-чуть», которое будет говорить о неповторимости повторяемого, о необычности обычного.

Исполнителям главных ролей это как раз удается. И. Горбачев в роли Крымова умеет соединять одержимость искателя со сдержанностью врача, на которого постоянно устремлены глаза больных, каждое слово которого воспринимается, как приговор. Хорошо передает актер и другую сторону личности Крымова. Аналитик, мыслитель органично переплетается в нем с носителем эмоциональной непосредственности и взрывчатого темперамента. Пожалуй, во второй части спектак-

ля в момент кульминации отношений Крымова и Майи И. Горбачеву следовало бы избавиться от излишнего мелодраматизма, правда, заложенного в самой пьесе. Мастерство внутреннего перевоплощения мы предпочли бы тут внешним формам психологической экспрессии. Таланта этому актеру не занимать.

Г. Карелина тонко передает «двойную жизнь» своей Майи. Обреченная неизлечимой болезнью, она меньше всего играет страдание. Тонкая одухотворенность, стихия поэзии, изящество и глубина мысли, сила чувства — вот что владеет Майей. Очень современный характер, очень самостоятельная женщина, не утратившая очарование женственности. Хорошо было бы поискать в таком характере черты, подготовившие резкий кризис ее отношений с Крымовым после известия об аварии ее бывшего мужа. Следы неудовлетворенности от известной неполноты счастья мелькают на лице актрисы. Но только мелькают, а прослежены недостаточно.

Быстро завоевал симпатии зрителей К. Адашевский, сыгравший живо и сочно роль Бурцева, главного врача клиники. Этот эпикуреец от медицины, добряк и веселый человек, проявляет принципиальность и решительность всякий раз, когда надо защитить интересы больных или отстоять престиж экспериментатора Крымова, если на него покушаются не в меру ретивые администраторы от медицины.

Главные роли спектакля, как мы убедились, высвечены в разных проявлениях их простых характеров. Они интересны, запоминаются, что лишний раз говорит о достоинствах режиссуры и творческих возможностях актеров. К сожалению, большинство остальных исполнителей ограничены сюжетно-служебными функциями. Им не дано простора — ни в мыслях, ни в чувствах. И невольно хочется, чтобы чаще появлялись пьесы ансамблевого плана, где каждый актер мог бы раскрывать характер своеобразный и неповторимый.

Спектакль «Пока бьется сердце», показанный ленинградцами на гастролях в Москве, поднимая на щит благородную профессию врача, проникая в сложные тайны этой профессии, достигает цели гораздо более широкой. Он говорит о человеческой жизни, которая в условиях советского строя стала высшей ценностью. Говорит горячо, убежденно, творчески полномерно.

А. СОЛОДОВНИКОВ.

Горькая, 1978, 3 ноября, №307